

Тростенец: здесь убивали людей

Почти семьдесят лет прошло после окончания Великой Отечественной войны, но как же много тайн еще хранит ее история. А сколько человеческих трагедий той страшной поры до конца так и не выплаканы! Целые реки слез безвинных жертв до сих пор остаются невидимыми миру. Но ведь когда-то они пролились, мы точно это знаем. И среди них река горя по имени Тростенец. Еще недавно казалось — река забвения...

Река слез

В послевоенном Минске о войне и уж тем более об оккупации вспоминать не очень-то любили. Во-первых, людям хотелось поскорее забыть ужасы пережитого. Во-вторых, все силы и внимание отдавались восстановлению разрушенного города. Ну а в-третьих... Те, кто выжил при немцах, понимали: испытания далеко еще не закончились. Так что неудивительно, что о недавнем прошлом многие предпочитали не распространяться. В общем, о гетто — молчок, о лагерях на территории города — молчок, и о подполье поначалу тоже помалкивали.

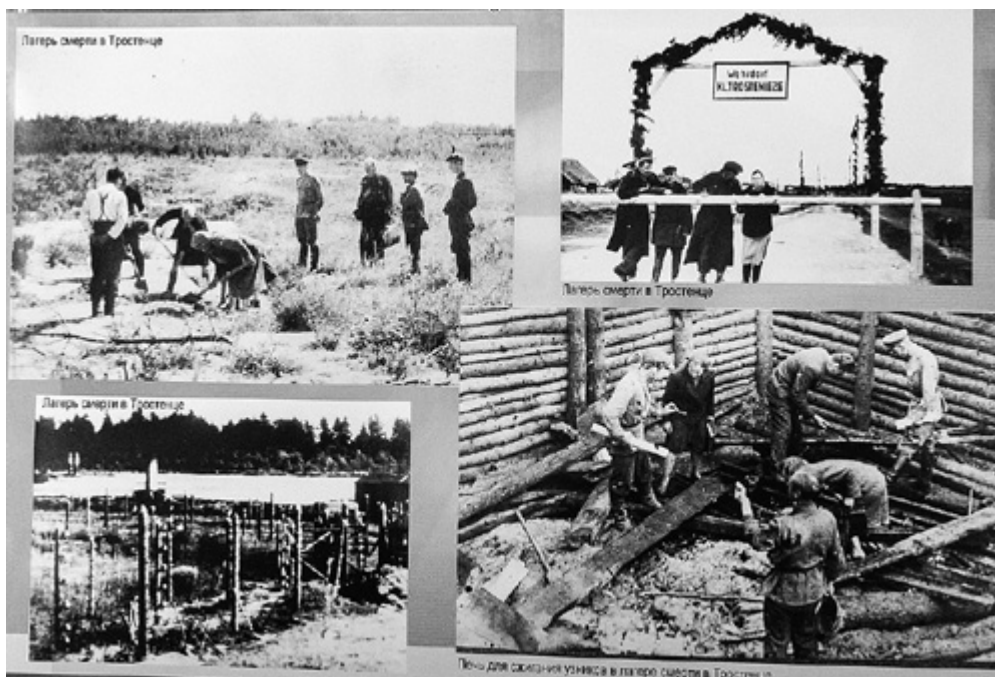
О Тростенце заговорили и того позже. Хотя первые сообщения о преступлениях нацистов в окрестностях деревни Малый Тростенец появились еще в 1943 году. [seo expert](#) В 1944-м в прессе напечатали сообщение Чрезвычайной государственной комиссии СССР о результатах работы по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков в Минске и его окрестностях. Однако к материалам для Нюрнбергского трибунала данные об этих массовых жертвах не были приложены. Лишь в 1965 году появилась подборка документов в сборнике «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941 — 1944». Там лагерь смерти обозначен как место уничтожения 206.500 человек. Все эти данные приводятся в статье историка, руководителя Исторической мастерской при ММОЦ имени Й.Пау Кузьмы Козака.

— Да, люди предпочитали замолкнуть. И послевоенный период в нашей истории недостаточно исследован, — считает Кузьма Иванович. — Мало исследован и нацистский лагерь в Тростенце. От чего проистекает ряд проблем. Например, со статистикой, национальным составом узников, классификацией лагеря. Поэтому возникающие мифы и домыслы относительно Тростенца просто нечем остановить. Но ведь существует и объективность. И заключается она в первую очередь в том, что на территории Беларуси оказалось самое большое количество убитых нацистами людей, причем самое большое количество — жестоко убитых.

Вспомним Хатынь, многие сотни других сожженных белорусских деревень. Нигде больше в таком ужасающем масштабе не происходили столь страшные события. И, конечно же, в этом ряду — Холокост, нацистский геноцид еврейского народа. Тростенец — непосредственный свидетель того, как все происходило.

В лагере в Тростенце уничтожали и другое местное гражданское население, партизан, подпольщиков, военнопленных. Здесь возможна аналогия с концлагерем Освенцим, где основная масса жертв — евреи. Но туда же гитлеровцы вывозили партизан и партизанские семьи с Витебщины с конца 1943 — начала 1944 года: потому что евреи в Беларуси уже были уничтожены. Нацисты в своей идеологии приравнивали партизан к евреям, поскольку сама война во многом была идеологической. В информационные буклеты мемориала в Освенциме теперь включена информация о депортации в лагерь более 6 тысяч белорусов. Цифра прозвучала недавно — благодаря работе белорусских историков, среди которых немало молодых людей, публикациям в СМИ, в том числе в «СБ».

— Кузьма Иванович, вы сказали о малоисследованности проблемы. Как ее решить?

— Какие бы ни были частные инициативы, я считаю, здесь должны подключаться государственные, академические структуры. Ведь сегодня есть и другая сторона, которая изучает Вторую мировую войну, — немецкая. В современной Германии хотят знать свое прошлое, извлекать из него уроки. И неудивительно, что там вышли на события в Беларуси, на Тростенец. Надо понимать: то, что не делаем мы сами, сделает кто-то за нас — и историю напишет, и мемориал построит. Но напишет и построит так, как посчитает нужным для себя.

Некоторые немецкие исследователи говорят, что Тростенец не имеет своей типологии, его невозможно четко классифицировать, а посему нельзя определить как концлагерь или лагерь смерти: неизвестны официальное решение о его создании, документы о функционировании. У западных историков существует также недоверие к советским документам: мол, в них нет объективности. Боюсь, пока мы не в силах переломить эту тенденцию... Так что у зарубежных исследователей число жертв лагеря получается — 50 — 60 тысяч человек. Более 30 тысяч известны пофамильно, поскольку депортировались из Европы — Австрии, Германии, Чехии.

А по нашим документам — но бесфамильным — видно, что уже в 41-м году в Благовщину сгоняли, как скот, советских военнопленных для уничтожения, свозили трупы умерших и сбрасывали в рвы. Сколько? Немцы пленных тогда не считали. И уж тем более не переписывали. Их даже не расстреливали, просто держали без еды, воды, лекарств, и люди гибли от нечеловеческих условий. Так происходило в лагере в Масюковщине, где погибли 80 тысяч человек, и, возможно, часть тел вывезли в Тростенец. 10 тысяч человек погибли в лагере в Дроздах — в основном русских, белорусов, украинцев, поскольку именно они призывались в западный регион. 20 тысяч пленников содержались в лагере на улице Широкой, которых также отправляли в Тростенец: евреев, белорусов, партизан, так называемых саботажников... Сегодня существует предположение, что за время оккупации в Минске и его пригороде гитлеровцы уничтожили 400 тысяч человек.

Поток жертв усилился с момента, когда в январе 1942 года нацисты «определились» с «окончательным решением еврейского вопроса» в ходе Ванзейской конференции, положившей начало широкомасштабному Холокосту. И уже с весны в Тростенец массово стали свозить евреев из Европы: практически каждую неделю шел эшелон. Людей прямиком направляли в лагерь, где проводили селекцию: способных работать — в бараки, остальных — в урочище Благовщина: на расстрел. И так практически до самого освобождения Беларуси.

Однако с осени 43-го года начался основательный и тщательно продуманный процесс сокрытия всех этих нацистских преступлений: уничтожались документы, сжигались прежде зарытые во рвах трупы.

Время за нашим окном

В европейских архивах сохранились практически все списки с именами уничтоженных нацистами в Тростенце граждан Европы. Их родственники сегодня могут приехать и почтить память своих загубленных близких. А наши? Очень немногие. И в том — продолжение народной трагедии. Кроме уничтоженных нацистскими преступниками документов, каналы памяти перекрывались из-за того, что местное население уничтожалось чуть ли не на корню и уже некому было сохранять и передавать информацию. Сейчас же все стало очень сложно: за окном другое время!

Для науки действительно важна четкость определений, классификация и ранжированность понятий. Но Вторая мировая для Беларуси пока так и не превратилась исключительно в объект беспристрастного исследования. Для многих она по-прежнему — рана, иногда даже открытая. Поэтому так принципиально — находить общественное согласие даже по мельчайшим спорным моментам. Что касается Тростенца, уровень сложности значительно повышается и оттого, что консенсус необходимо устанавливать не только внутри своей страны, но и с другими государствами. Тростенец — место международной памяти. И это важнейший фактор для создателей мемориала.

Можно ли ответить точно, сколько человек убито нацистами в Тростенце? (Кстати, в некоторых рабочих материалах встречается — 500 тысяч, есть даже — 2 миллиона.) Скорее всего, уже — нет. Но можно сделать так, чтобы общество пришло к согласию и по этому вопросу.

— До сих пор белорусские историки очень мало работают в архивах других государств, — не скрывает сожаления Кузьма Козак. — И самостоятельно им эту проблему не решить. Здесь задача уровня Министерства иностранных дел, Министерства образования, Института истории Академии наук. Сегодня мы можем назвать пофамильно 1 из 10.000 тысяч узников лагеря в Дроздах; из тысяч жертв Тростенца известны около 600 человек, среди них около 400 — из Минского гетто и 50 участников Минского подполья; известны около 6.000 из десятков тысяч жертв Минского гетто. Почему за столько лет ничего не сделано? У нас ведь есть очень хорошие специалисты, которые владеют современными исследовательскими методиками. Наверное, все-таки необходимо решение национального уровня.

Парадокс жизни и смерти

В огромный камень преткновения для проектировщиков мемориальной части в урочище Благовщина превратилась городская свалка. Некоторые историки высказывают мнение, что она «прикрыла» места сталинских политических репрессий. Поэтому и Тростенец ушел в тень. Скульпторы и архитекторы мастерской дважды лауреата Государственной премии БССР, лауреата Ленинской премии, одного из авторов комплекса «Хатынь» архитектора Леонида Левина предложили свой вариант мемориала в Благовщине. Леонид Менделевич, яркая личность белорусской культуры, лично работал над проектом, в основу которого легла его творческая и нравственная идея. Теперь дело отца продолжает дочь — архитектор Галина Левина: самого мастера не стало в прошедшем марте. А всего год назад Леонид Менделевич писал о своей задумке так: «Прежде всего мы рассматриваем эти события как парадокс XX века — времени, когда все перевернулось в жизни людей. Для невинных, несчастных людей перевернулся весь мир. Довольно скупыми средствами, образно и лаконично будет отражена тема войны, тема парадокса трагических событий в жизни мирного населения...» Поэтому в композицию входят небольшие скульптурные элементы, подчеркивающие этот страшный парадокс войны: перевернутые дома, перевернутая и разбитая менора, перевернутые корнями вверх деревья...

Галина Левина разворачивает один за другим листы с изображением отдельных частей и элементов мемориала и поясняет основную творческую идею комплекса, охватывающего участок от Могилевского шоссе до места погребения. Посетители мемориала идут пешком по тому самому пути, который стал последним для узников, — по «Дороге смерти». Проходят через стилизованные железнодорожные вагоны, на стенах которых предлагается разместить имена и фамилии погибших. Пересекают две круглые площади: вначале белую, когда жертвы еще надеялись на сохранение жизни, и затем, в конце, — черную: за ней людей ждала смерть.

— Родилась идея, которая лично меня поразила своей глубиной и жизненной силой, — такое мнение настоятеля Всехсвятского прихода в Минске протоиерея Федора Повного. — Место парадоксов... излом пути... Но эта идея должна еще показывать и выход из возникших страшных парадоксов. Необходимо также предоставить возможность для вознесения молитвы представителями разных конфессий. Когда я прихожу к месту сожжения нацистами узников, осознаю: я православный священник, не еврей, но в этом лагере вместе с евреями погибли мои участвовавшие в Минском антифашистском подполье родные: две тети и дядя — буквально за несколько дней до освобождения Минска. Я вспоминаю, как моя бабушка, коренная минчанка, во время войны спасала пять еврейских семей от нацистского гетто. Мое детское сознание очень четко зафиксировало ее бесхитростный рассказ о том времени и тех подвигах, которые люди совершали без наград и медалей. Когда случаются несчастья такого масштаба, религиозные и этнические различия исчезают. Память не может быть разделенной. Память — тяжелая работа. Любая память должна иметь время для созревания. Это время необходимо для того, чтобы стать памятью вне времени. Мне думается, тема Тростенца крайне актуальна, видимо, его время вышло.

В проект закладывается идея духовного единения людей разных вер и религий. Такой подход поддержали и православный митрополит Филарет, и католический митрополит Тадеуш Кондрусевич, и еврейские раввины. Люди-жертвы уходили из жизни с верой, но у каждого она была своя. Идея межконфессионального, межнационального согласия может составить уникальность мемориального комплекса в Тростенце.

— Известно, что среди жертв Тростенца был католический священник из минского Красного костела. Его забрали прямо в рождественскую ночь. Тростенец, Бухенвальд, Освенцим — погибли люди разных национальностей, вероисповеданий, языков, но все они Божьи творения, — митрополит Минско-Могилевский архиепископ Тадеуш Кондрусевич хорошо знаком с темой. — Надо

увековечить память о них не только в камне, потому что даже камни не вечны. В Тростенецком мемориале необходимо предусмотреть место молитвы представителей разных конфессий и религий. Такой опыт лично у меня уже был, когда я работал в Калининградской области. Хорошо бы, чтобы комплекс включал также исследовательский центр. Тогда мемориал ожил бы. Потому что история — наставница жизни.

Объединение усилий

Проект по мемориализации урочища Благовщина, подготовленный мастерской Леонида Левина, вступает в творческое содружество с проектом мемориала в Малом Тростенце, созданным под руководством Анны Аксеновой творческим коллективом института «Минскпроект». Сейчас принято принципиальное решение Минского горисполкома об объединении усилий творческих коллективов. Первая очередь строительства на участке в 59,5 гектара, на котором сохранились руины сооружений лагеря, кремационная яма–печь и места уничтожения и захоронения заключенных, уже реализуется. В 60–е годы здесь были установлены памятники жертвам лагеря. Но после завершения работ картина должна полностью преобразиться. Главной композиционной и визуальной осью комплекса станет «Дорога памяти», ведущая к площади, где расположится памятник–монумент «Врата памяти».

«Образное решение скульптурной композиции — «Врата памяти», которые сегодня никого и ничего не закрывают и стоят одни, без забора из колючей проволоки, как врата, не имеющие практического смысла, что наводит на мысль о бессмысленности убийств и угнетения одних людей другими. Лицевая сторона, как старый черно–белый снимок узников, смотрящих на нас из того времени. Тыльная сторона, как псалтырь с отходной молитвой о душах убитых здесь людей, как старая истина, перечеркнутая фашистскими

лозунгами, как дети, утратившие здесь своих родителей и надежды на будущее и свои мечты», — так комментирует творческую идею, разработанную в содружестве со скульптором Константином Костюченко, научный руководитель проекта Анна Аксенова.

Дальше — «Поле погребения», где рассеивали пепел сожженных узников. В границах комплекса располагается также немецкое кладбище.

Но пока в проектах нет информационно–образовательного, музейно–архивного центра. А ведь он стал бы сердцем и мотором всего комплекса, так как это происходит, например, в Иерусалиме, в институте памяти Яд–Вашем. Практика небольшой Исторической мастерской уже показала: когда появляется такое общедоступное место, где людей всегда ждут с их воспоминаниями, архивами, это весьма эффективно. И с материалами Тростенца туда уже обращаются.

Мемориал должен стать узнаваемым через конкретных людей, их реальные жизненные истории и трагедии, способные вызывать сострадание сердец наших современников. Место памяти в первую очередь хранит духовное начало. А талантливая архитектура, оформление — это как дом и надежные стены для защиты и сбережения памяти.

Мы за ценой не постоим?

Полная стоимость всего мемориала, конечно же, немаленькая: специалисты уже говорят о 8 — 10 миллионах евро. Средства начала собирать общественность тех стран, чьи граждане захоронены в Беларуси. В Германии планируют привлечь почти миллион евро. Что ж, это их право и обязанность. Высказывает готовность подставить плечо Израиль. Минский горисполком от своей роли не отказывается и уже выделяет деньги на проект. Но все-таки здесь миссия — общегосударственного масштаба. Мемориальный комплекс в Тростенце заслуживает того, чтобы стать национальным проектом памяти, в котором участвовать могут все — отказывать никому не надо. Но для нас важно, чтобы это трагическое место было обозначено именно так, как представляется в нашей культуре и памяти. И в том вопрос нашей чести.

Масштаб трагедии

Благовщина — примерно 150 тысяч человек: по приблизительным подсчетам, советские военнопленные — около 60.000; узники Минского гетто — более 50.000; более 20.000 депортированных европейских евреев; горожане, арестованные за саботаж, помощь партизанам, из лагеря СД на Широкой — 15.000; евреи, депортированные из других районов Беларуси, — более 3.000 (Полоцк).

Шашковка, кремационная печь — 50.000, по приблизительным показаниям свидетелей.

Сарай в Малом Тростенце — 6.500 человек.

Хроника трагедии

Сентябрь 1941 года — в ходе реализации решения об уничтожении европейских евреев Минск становится одной из главнейших целей депортации евреев из стран Западной Европы.

11 ноября 1941 года — с первым эшелоном в Минск прибывает примерно 1.000 гамбургских евреев. Их размещают в Минском гетто.

Август 1941 года, март 1942 года — рейхсфюрер СС Г.Гиммлер, А.Эйхманн, референт по делам евреев в РСХА, Р.Гейдрих по очереди посещают Минск. Детали программы убийства утверждаются.

Весна 1942 года — в так называемом имени Малый Тростенец на землях

бывшего колхоза имени Карла Маркса немецкая полиция безопасности создает лагерь для обеспечения своей деятельности, где узников привлекают к принудительным работам. Благовщина, урочище в лесу неподалеку от Тростенца, избирается местом убийства евреев.

Июнь 1942 года — документы фиксируют применение нескольких «спецавтомобилей» («душегубок»). На кузов грузовиков устанавливались герметичные кабины, в которые, в зависимости от модели, загоняли от 50 до 100 человек. Выхлопные газы поступали внутрь кабины, таким образом, заключенные погибали еще за время поездки в Благовщину.

10 августа 1942 года — входит в строй временная железнодорожная остановка. Поезда с «евреями из рейха» теперь подаются прямо к месту расстрела. Из десятков тысяч депортированных в живых осталось примерно 20 немецких, австрийских и чешских евреев.

9 октября 1942 года — в Малый Тростенец прибывает уже 10-й эшелон из Вены.

Октябрь 1943 года — тайная специальная команда («Операция 1005») задействована для того, чтобы скрыть преступления нацистов от приближающейся Красной Армии. Из 34 рвов в лесу Благовщины эксгумируются трупы жертв. Останки складываются на поленницах, поливаются бензином и поджигаются. Так продолжается до декабря.

Конец октября 1943 года — в качестве замены Благовщине в нескольких сотнях метров от имени Малый Тростенец, в урочище Шашковка, выкапывается ров для сжигания тел. Начиная с марта 1944 года здесь проводились также расстрелы.

28 июня 1944 года — принимается решение о ликвидации узников сборного лагеря СС. Поскольку крематорий в Шашковке слишком мал, людей на грузовиках свозят в сарай в Малом Тростенце и там расстреливают, после чего амбар поджигают. По разным оценкам, тогда погибло до 6.500 человек. До освобождения Минска они не дожили 5 дней.

(По материалам сборника «Лагерь смерти «Тростенец» в европейской памяти».)

Справка «СБ»

Территория нацистского лагеря смерти Тростенец (1941 — 1944 годы) расположена на юго-восточной окраине Минска с обеих сторон Могилевского шоссе. Объект внесен в Государственный список историко-культурных ценностей Беларуси, установлены границы охранной зоны, на данный момент площадью в 124 гектара. Выделяются четыре отдельных участка комплекса: пункт приема узников; аллея, по которой вели мужчин, женщин и детей, — «Дорога смерти»; места размещения объектов инфраструктуры лагеря, а также

места сожжения заключенных и кремационной ямы–печи; места казней и расстрелов в урочище Благовщина.

По числу жертв Тростенец — четвертый после трагически известных немецких лагерей смерти: Аушвиц (Освенцим), Майданек, Трешлинка.

ulitenok@sb.by

Советская Белоруссия №106 (24489). Суббота, 7 июня 2014 года.

Автор публикации: [Александр РУЖЕЧКА](#), [Галина УЛИТЕНОК](#)

Дата публикации: 21:54:04 06.06.2014

[Версия для печати](#)

Установите [новостной виджет «СБ»](#) на главную страницу **Яндекс** прямо сейчас!

Рекомендации для вас

[Как создается мемориальный комплекс «Тростенец»](#)

[9 мая 2015 года откроется мемориальный комплекс "Трошенец"](#)

[Историки продолжают изучать трагедию концлагеря "Трошенец"](#)